

В ГЛУБЬ ВЕКОВ

Об исторических повестях Евгения Богданова

В последние годы Евгений Богданов как писатель работает особенно плодотворно. В центральных издательствах вышли два его романа: «Долгий путь к тишине» — о Великой Отечественной войне и «Поморы» — о судьбах северного крестьянства за несколько десятилетий Советской власти.

Попутно Богданов продолжал трудиться над историческими повестями, жанром, к которому впервые обратился еще в шестидесятые годы. Недавно в Северо-Западном издательстве вышел своеобразный итоговый сборник этих повестей «Чайный клипер».

И вот случилось так, что «попутная» работа писателя оказалась, на мой взгляд, более значительной и самобытной, чем «основная». Именно в повестях наиболее полно и ярко раскрылись лучшие стороны его дарования.

Повести Евгения Богданова имеют особую жанровую природу. Это сочинения историко-приключенческого харак-

тера, отличающиеся остротой и динамизмом сюжета. Реальное и вымышленное сочетается в них органично и по-разному. Иногда исторические события являются как бы истоком произведения, автор отталкивается от действительных, характерных для определенной эпохи явлений и фактов и на этом жизненном основании разрабатывает свои «вольные» увлекательные рассказы. Например, походы викингов к берегам Беломорья в XI—XII веках были нередким явлением, и вымышленное повествование об одном из таких походов оказалось в основе своей достоверным («Ожерелье Йомалы»).

В некоторых же случаях автор творит свои сюжеты лишь «в пределах» действительных былей, не выходя за их границы, и подлинные события служат как бы канвой для повествования. Так написаны повести «Вьюга», в которой рассказывается о последних днях жизни вождя

крестьянского восстания Ивана Болотникова и о его казни в Каргополе; «Лодейный кормщик», где говорится о подвиге «корабельного вожа» Ивана Рябова, посадившего шведские фрегаты на мель, под пушки Новодвинской крепости.

Однако во всех случаях автор отнюдь не ограничивается материалом истории. Он дает простор фантазии, свободно домысливает реальные факты, находит интересные сюжетные ходы, частные драматические коллизии, многозначительные эпизоды. Исторические факты смело погружаются в стихию приключенчества, и это делает повествование напряженным, занимательным, то есть сообщает ему качества, очень важные не только в литературе для детей и юношества, к которым адресуется писатель, но и вообще в словесном искусстве.

Вдумки писателя, как правило, жизненны, они мотивируются реальностью, отражают типические процессы и явления. Обратимся, например, к сюжету «Ожерелье Йомалы», наиболее условной, «сказочной» повести Богданова, уводящей нас на тысячелетие в глубь истории. Начинается повесть с описания похода викингов. Викинги отважны, мужественны, привыкли к скитаниям, к мореплаванию, к ратным делам. Но они завоеватели по духу, их бог — нажива, обогащение, а оружие — насилие, обман. Отсюда и постоянные взаимные раздоры, междоусобная грызня. И это с самого начала оттеняется в повести. Викинги вышли на двух судах, для похода в далекую Биармию объединились два отряда. И над кораблями сразу нависает дух соперничества, скрытой вражды, который в конце приводит к трагическому исходу. Жестокая природа завоевателей дала себя знать еще до их прибытия на место. В пути, в Белом море, стремясь пополнить запасы пресной воды, викинги напали на карбасы мирных поморов и потопили их.

И вот эти-то драматические эпизоды, вполне соответствующие реальности, дали возможность автору найти интересное сюжетное решение: поморы, желая отомстить врагу, вступают в союз с биармами, и это содружество сыграло решающую роль в их успешной борьбе с захватчиками.

Искусно строится сюжет и в повести «Черный Соболь», где рассказывается о трудном и опасном походе поморской артели «за три моря», за соболями мехами в сказочную «златокипящую» Мангазею — город на одном из притоков Оби. Повествование начинается с различных сюжетных истоков, казалось бы, очень удаленных друг от друга: параллельно с историей похода разворачивается история безрадостной жизни бедной ненецкой семьи, кочующей в тундре; через судьбу плутуватого стрельца Лаврушки изображается жизнь в самой Мангазее; и, наконец, через восприятие Черного Соболя воссоздаются картины природы, жизнь леса. Все эти фабульные линии пересекаются в едином центре, в Мангазее, герои сталкиваются в сложных и противоречивых отношениях.

Сжато и энергично написана завершающая часть произведения. В пределах основной сюжетной истории поход Аверьяна Бармина ж его товарищей в Мангазею оказался удачливым: ценою огромных усилий герои достигли цели и сумели добыть пушнину. Но из краткого заключения мы узнаем, что на обратном пути судно поморов попало в беду, его опрокинуло в бурю, и «весь груз, в том числе меха, взяло море». В студеной воде погиб один из путников. Трое смельчаков после долгих зло-

ключений вернулись домой. Писатель не облегчает реальности, не избегает показа трагического. Но все же в восновной картине, щадя восприятие юных, сохраняет свет...

Вообще надо отметить особое внимание Богданова к завершению сюжетов. Финалы в повестях, как правило, густые, смыслонасыщенные, до-сказывающие весьма существенное в судьбах героев. В повести «Ожерелье Йомалы» именно в эпилоге дается окончательная развязка драматической истории. Главарь викингов уцелел после схватки с поморами и увезли лохищенное из храма биармов ожерелье. Но ожерелье принесло им беду: из-за него они поссорились, уже будучи на родной земле, — коварный Туре пронзил Карле копьём...

Примечательно, что этот эпизод дается не в прямом авторском описании. О трагическом завершении похода сообщает в своей песне на торжестве ярлов старый скальд. Отсюда особая народно-оценочная интерпретация самой трагедии как незабываемого исторического урока, как неизбежного возмездия за насилие.

В повестях Богданова правдиво изображаются и сами жизненные обстоятельства в различных исторических эпохи. Писатель хорошо знает уклад поморской деревни, психологию, обычаи, тради-

ции северного крестьянства, его прошлое, обрядовую культуру, поэтическое творчество, язык. И это чувство народного быта позволило автору в его лучших повестях создать правдивые, конкретно-исторические картины жизни.

Есть у Е. Богданова и довольно верное ощущение северного народного характера — в его *главных, основных* произведениях. Писатель не склонен к углубленному исследованию душевных процессов. Он любит резко очерченные портретные рисунки, прямолнейные мазки. И эта особенность манеры, которая, мне думается, вряд ли может привести к серьезному успеху в строго реалистических романых формах, требующих психологической обеспеченности, оказалась уместной и даже эффективной в историко-приключенческих жанрах.

Главный герой богдановских произведений — северное крестьянство, поморы, народ. Основной пафос всех его книг — прославление народного героизма, безмерной духовной стойкости русского человека, его мужества, умения, удали. Пристальным вниманием к глубинным истокам народной героики и примечательны прежде всего повести Богданова. Но, поэтизируя возвышенное, воспевав красоту народного подвига, писатель в то же время не отрывает своих героев от

реальности, он умело обнажает их характерные, типичные черты.

Самое сокровенное чувство героев писателя — любовь к Отечеству, к родному народу. Именно она определяет их мысли и действия, строит их душу. Иван Болотников, уже ослепленный, готов снова идти к народу, чтобы звать его на борьбу. Только любовь к Отечеству, к землякам помогла Ивану Рябову совершить бессмертный подвиг. Однако герои Богданова не любят говорить о своих чувствах, переживают и страдают молча. И это тоже правда о народной душе.

Еще в первых рассказах Е. Богданова, появившихся почти три десятилетия назад, читатели и критики отмечали задушевность письма, лиризм. Эти особенности стиля проявляются и в его повестях, придавая им необычную для историко-приключенческих жанров проникновенность. В языке произведений ощутима тяга к повышенной красочности, к романтической образности, в то же время сами выразительные средства тесно связаны с мироощущением северного крестьянина.

Повести Евгения Богданова содержательны. Они интересны и для взрослого читателя. А это всегда было верным показателем состоятельности литературного разговора с юностью.

Ш. ГАЛИМОВ.